

РОЛИ ШУКУРА БУРХАНОВА

ликий просветитель, великий гуманист.

Можно сказать, что этот спектакль поставлен режиссером А. Гинзбургом «для Бурханова».

Это не значит, что он поставлен лишь для одного актера в ущерб остальным исполнителям, остальным ролям. Наоборот: и сын Улугбека Абдуллатиф (З. Мухамеджанов), и Фируза (Р. Ибрагимов), и Сайид Абид (М. Умарходжаев), и Гавхаршадбегим (З. Садриева), и Ваба Каифи (Н. Рахимов) — все это значительные актерские работы, образы, необходимо входящие в ткань действия. Но все в спектакле подчинено тому, чтобы тема бурхановского Улугбека звучала шире, отчетливее, победительнее. Так на контрасте со смятенностью, жадным тщеславием, суетностью Абдуллатифа раскрывается с новой силой душевная ясность, внутренняя непоколебимость Улугбека. Так вся предшествующая финалу трагедии сцена в тюремном подполье, все нарастание ее мрачного драматизма, кажется, нужны в спектакле лишь для одного — чтобы, услышав рассказ стражника об Узнике, томлящемся здесь еще со времен Тимура, о том, что, щадя потомков (так отталкивающее страшен в своем несчастье этот узник), Тимур навеки запретил кому-либо открывать крышку каменного люка, Улугбек Бурханов властно, стремительно, легко произнес одно только слово: «Открой!»...

Трагедия заканчивается смертью Улугбека, его последним, исполненным веры и величия прощанием, обращенным ко всему человечеству.

Конечно, это не больше чем простая случайность — совпадение финальных реплик, прозвучавших над телами Брута и Улугбека: знаменитое «Он человеком был!» в «Юлии Цезаре» и «Знаете ли вы на какого человека подняли руку?» в «Мирзе Улугбеке»... Совпадение перестает казаться случайным применительно к творчеству Ш. Бурханова. Искусство Бурханова — это всегда красота большой правды о человеке и в человеке. Это особая, «музыкальная» завершенность образа, это темперамент, находящий свое максимальное выявление не в бурных взрывах и всплесках, а в мощной внутренней уравновешенности, в том, что любое, самое напряженное состояние, самый острый душевный кризис оказываются «по плечу» герою, которого ищет Бурханов, не испытывают его внутренних сил и, потрясая до глубины духа, все-таки не колеблют его цельности, не замутняют ясности. Именно этот нестрашимый ни в каких испытаниях «золотой запас» нравственной силы героя и определяет собой пафос бурхановских образов, их внутреннюю чистоту и мощь, их полноту.

Т. ИВАНОВА.

Спектакли Театра драмы имени Хамзы в Москве

все его величие. Цезарь или мы — так стоит вопрос для его товарищей по заговору. Цезарь или Рим — так он стоит для Брута.

Но Рим уже не тот, каким Брут хочет его видеть. Сейчас римляне уже не могут быть свободными, потому что уже не умеют быть гражданами, и не случайно истинными властителями их дум становятся или попирающий их Цезарь, или гениально владеющий даром будить в них низменные чувства Антоний, а не суровый ревнитель свободы, не бескомпромиссный правдолюбец Брут. И все-таки для Брута Бурханова республика жива. Жива, пока жив хоть один истинный республиканец, пока жива ее идея, и человек велик, пока есть хоть одна личность, способная подтвердить это величие не словом, а делом, готовая на любую жертву, чтобы дать пример этого величия.

Рядом с Брутом — Юлий Цезарь (К. Ходжаев). В спектакле резко прочерчена линия, непримиримо противопоставившая этих людей друг другу. В сущности, изначально они могли бы быть во многом равны — по воле, по уму, даже по силе и масштабам личности. Но внутреннее величие Цезаря мельчится властолюбием, но воля, ум его направлены к утверждению личного деспотического своевластия. И потому даже в своей силе этот Цезарь слаб и обречен так же, как Брут силен даже в минуты глубочайшей скорби, потому что скорбь его — не от прекраснотуши, оплакивающего несовершенство мира и вынужденного спускаться к миру с высот самозерцания. Скорбь бурхановского Брута — это скорбь гуманиста, для которого человеколюбие состоит не во всепонимании слабостей человеческих, а в постижении величия человека, не в мечтаниях, а в борьбе. Именно в этом для Брута, проповедника свободы, Брута-тираноборца — вся мудрость, вся ценность жизни...

ДВА ДНЯ СПУСТЯ мы увидели Шукура Бурханова еще раз — в главной роли исторической трагедии М. Шейхзаде «Мирза Улугбек».

«Внук грозного Тимура. Великий ученый и просвещенный государь. Правитель, кознями врагов лишенный престола, предан-

ный матерью и сыном, изгнанный за пределы государства, приговоренный к казни, трусливо убитый из-за угла и оплаканный лишь несколькими друзьями. Снова — трагический образ, снова целостный, монументальный характер. Снова — свободное, не торопящееся, уверенное в своей силе движение актера от первых реплик к кульминации роли.

Спектакль открывается монологом Улугбека. Бурханов произносит его удивительно: просто и патетически, с непрерываемой убедительностью. В звучании его размеренно-напевной речи каждое слово чуть цветистых восточных афоризмов получает новую емкость, глубину.

Драматургически этот большой монолог пролога предназначен к тому, чтобы уже поначалу «заявить» характер героя, слагающийся из таких качеств, как государственная мудрость, великодушие, забота о благе подданных, преданность наукам, воинское мужество, суровость к врагам. Все это в актерских возможностях Бурханова, все это есть в его Улугбеке. Но в Улугбеке есть и нечто большее, «бурхановское», уже не неожиданное после Брута, хотя ни в какой степени и не повторяющее предыдущую роль. Так же, как и в Бруте, Бурханов видит, открывает в этом своем герое не просто человека, но безупречного человека, не просто личность, но личность необычайных возможностей, гармоничную личность. Именно это — гармония человеческой личности — и становится мерилом масштабов созданного Бурхановым характера, его внутренним определителем. И если в принципе закономерны и осуществимы попытки найти и сформулировать «единую тему» творчества того или иного художника, Бурханов бесспорно принадлежит к числу актеров, искусство которых такой единой внутренней темой собрано, поднято и озарено. В своих сценических созданиях Бурханов ищет один высокий образ — прекрасного человека.

Доброта, мудрость, прозорливость, прямодушие Улугбека... Бурханов «умеет», Бурханов «не трудно» играть это. Но все эти качества могуче слиты актером в новый драгоценный сплав. И оттого его Улугбек больше чем просвещенный государь — он ве-

НА СЦЕНЕ Кремлевского театра — шекспировская трагедия «Юлий Цезарь» в постановке Государственного ордена Ленина узбекского академического театра драмы имени Хамзы.

Режиссер-постановщик А. Гинзбург, режиссер Ш. Каюмов. В роли Брута — Ш. Бурханов.

Зубчатые контуры лестничных маршей спускаются несколькими монументальными террасами справа налево в длину всей сцены; это не просто декорация первого акта, а единый пластический образ спектакля — лестница, пересекающая небо по диагонали, срезавшая его треугольником.

Рим середины первого века до нашей эры, эпохи распрей и заговоров, мятежей и междоусобиц. Грозное, безжалостное, знойное небо трагедии, живущее не столько сменами дня и ночи, сколько контрастами и резко подчеркнутыми соответствиями трагическим перипетиям в жизни героев: от кроваво-красного цвета предчувствий и предвестий перед убийством Цезаря до лилового предрастветного мерцания в канун битвы у Филипп. Таково общее решение оформления спектакля (художники И. Вальденберг и Д. Ушаков).

Трагедия «Юлий Цезарь» — это трагедия Брута. Перед зрителями лицо Бурханова — Брута, словно отлитое из бронзы, твердое, непроницаемое, поначалу почти загадочное. Замедленные движения, эластичная мощь которых кажется сдерживаемой изнутри невероятным напряжением воли, тяжелый, притягивающий взгляд, скользящий по лицам, по людям. Это бурхановский Брут при первом его появлении на сцене, Брут, последний великий республиканец уже мельчающего Рима, последний наследник его героической гражданственности.

Поэтому он одинок. У каждого из заговорщиков — даже у человека такого личного обаяния, как Кассий (А. Турдыев), даже у такого пламенного республиканца, как Каска (Р. Хакимов) — в их востании против Цезаря непримиримая ненависть к тирану так или иначе сплетена с какими-то сугубо личными мотивами, счетами, антипатиями. У Брута — нет; он единственный из них, кто действительно любит Цезаря, кто полностью понимает